

культуры». В качестве образца «окаменения литературного стиля в памятниках местной литературы» Пиккио указывает Житие Авраамия Смоленского, возникшее около середины XIII в., связывая это литературное явление с усиливающимся в то время религиозным догматизмом.

Последние страницы главы посвящены истории русской литературы XIV в., причем этот период определяется автором как эпоха застоя (*gi-stagno letterario*). В конце периода выдвигается новый политический и культурный центр — Москва. Интересно утверждение итальянского ученого, что при наступивших изменениях «воспоминание о Киеве» начинает играть роль, сходную с ролью классической римской эпохи для латинского мира. Мне кажется, как ни оценивать литературу XIV в., следовало бы сказать о ней несколько больше.

Второй раздел этой части книги называется «Возрождение православного славянства». Автор употребляет термин «православное славянство» с целью разграничить восточных и южных славян с западными, и в этом смысле его определение имеет известное оправдание, но, относясь лишь к церковной области, оно представляется односторонним. В отношении XV в. термин не вполне отвечает существу дела, так как после турецкого завоевания перестают существовать не только независимые славянские государства на Балканском полуострове, но и соответствующие церкви. По словам автора, «болгарская, сербская и русская церкви никогда не признавали своего полного подчинения Византии. Когда Византия пала, они воспользовались случаем, чтобы провозгласить громко свою жизненную духовную автономию». Это утверждение, однако, справедливо лишь по отношению к русской церкви, ибо, например, болгарская церковь после 1393—1396 гг. полностью теряет свою самостоятельность и попадает в абсолютную зависимость от царьградской патриархии.

Особенно интересны страницы раздела, посвященные вопросу о «втором южнославянском влиянии» (стр. 142). В современной советской литературе эта проблема была рассмотрена недавно Д. С. Лихачевым, притом в новом свете. Плодотворное и ценное исследование Д. С. Лихачева дает богатый материал для дальнейшего исследования этого вопроса.¹⁷ Некоторые подробности следует все же напомнить и подчеркнуть. Это прежде всего, по выражению Пиккио, «культурная миграция», т. е. переселение отдельных представителей балканского славянства, земли которого были завоеваны или находились под угрозой покорения турками, в Россию. Некоторые периоды византийской истории самым красноречивым образом свидетельствуют об огромной роли этой «культурной миграции». Если исключить период между 1204 и 1261 гг., когда вследствие завоевания Царьграда западными рыцарями Византийская империя перестает существовать, чрезвычайно интересную параллель представляет миграция из Византии около середины XV в., когда турецкие завоеватели осаждают ослабевшую империю и в 1453 г. овладевают ее столицей — Царьградом. Роль, которую беглецы из Византии и перенесенные ими культурные ценности играют в возрождении Западной Европы, почти полностью соответствует той роли, которую беглецы из балканских земель сыграли в деле развития литературы русских земель. Эти события разделены временем не более шести десятилетий и хотя бы поэтому должны быть сопоставлены. По определению Пиккио, «единство православной славянской культуры в продолжение всего средневековья не основано на государственных и национальных принципах», поэтому в XV в. не может быть и речи

¹⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (IV международный съезд славистов. Доклады).